

Россия живет по логике "бензинового государства"

Конституцию РФ переписывать не станут. Владимир Путин на третий срок не пойдет. Наиболее вероятный сценарий 2008 года – операция «Преемник». А самая серьезная угроза политической стабильности – это непрофессионализм принимаемых в управлении страной решений.

Так считает эксперт «Горбачев-фонда», член научного совета Московского Фонда Карнеги Андрей РЯБОВ. В рамках июньской сессии Иркутской школы публичной политики он поделился своими мыслями о перспективах политического процесса в России.

ОПТИМИЗАЦИЯ, А НЕ МОДЕРНИЗАЦИЯ

– Андрей Виленович, как вы оцениваете политический процесс, существующий в сегодняшней России?

– Чтобы понять главную особенность российского политического процесса, я бы ввел такое, слегка отдающее некоторым журнализмом, понятие, как «бензиновое государство». Современная российская общественная система базируется на топливно-сырьевой экспортно-ориентированной экономике страны, которая за годы последнего нефтяного бума еще более укрепилась. Россия утвердилась в статусе одного из главных держателей, а возможно, даже главного держателя глобального экономического ресурса, поскольку никто сейчас не даст ни копейки за точный прогноз о том, что будет происходить в районе Персидского залива. Отсюда все изменения в российской внешней политике, отсюда смягчение позиции Запада по отношению к нам.

По разным экспертным оценкам, такого рода экономика, как наша, в таком состоянии, как наша, способна поддерживать уровень жизни 30–50 миллионов человек. В Российской Федерации, согласно последней переписи населения, проживают 143 миллиона человек. Значит, минимум 93 миллиона оказываются вне этой системы. Те, кто входят в систему, само собой, стремятся поддержать свое доминирующее положение, минимизировать риски. Это вполне естественное поведение в неконкурентной политической среде. Отсюда и возникает, пожалуй, главная на сегодняшний день особенность российского политического процесса – реформирование как оптимизация системы «бензинового государства». Да, формально есть программа реформ, есть соответствующие документы, есть закон о монетизации льгот... Но все это не модернизация, а оптимизация существующей системы, то есть избавление от всего того, что мешает ей хорошо жить, вольно и глубоко дышать. Это мой главный тезис.

– На чем основываются ваши выводы?

– Единственным критерием модернизации в современном мире является рост материального и культурного благосостояния людей. Почему мы говорим, что в Китае или в Индии идет модернизация? Потому что 20 лет назад там 700 миллионов человек ходили без обуви, теперь только 500 миллионов. Но когда в результате монетизации льгот часть российского сельского населения утрачивает способность купить билет и приехать в город к достижениям цивилизации, это не модернизация, что бы ни говорили нам господа министры из экономического блока.

Не так давно один из авторитетных депутатов Государственной думы, председатель комитета по конституционному законодательству Владимир ПЛИГИН заявил о создании политического клуба «4 ноября», на первом заседании которого обсуждался проект экономической стратегии России до 2030 года. И в качестве основного тезиса – идея о том, что в XXI веке нам предстоит конкурировать с такими крупнейшими державами, как США и Китай. Если бы нам это удалось, было бы хорошо. Но главное – в другом: несколько раз и в базовом докладе, и в дискуссии было повторено, что ради решения этой великой задачи нам придется пойти на сдерживание социальной динамики и социальных амбиций общества.

Да, при Петре Великом и при Сталине подобного рода модернизации были реализованы. Однако в XXI веке,

нравится нам или нет, это просто невозможно. Модернизация без инвестиций в человеческий капитал — это уже не модернизация.

— Вы сказали, что главная особенность политического процесса в России это его направленность на оптимизацию «бензинового государства». Есть еще какие-то?

— Вторая особенность тоже вытекает из логики «бензинового государства». Это неконкурентность политического процесса. Конкурентность существует даже в самых закрытых политических системах, даже при царе Хаммурапи была некая конкуренция между разными группами. Но когда мы понимаем конкурентность в современном плане, то говорим: а) о такой важнейшей ее составляющей, как публичность, то есть открытость; б) о проекции на значительные слои населения. Как бы мы ни относились к «оранжевой революции» на Украине, но там два этих условия были соблюдены.

У «бензинового государства» возникает вполне закономерное стремление закрепить свою гегемонию. А наиболее эффективным способом сохранения своего доминирования и в экономике, и в политике является исключение конкуренции. Потому что конкуренция — это всегда риск.

Еще одна черта неконкурентного политического процесса — сдерживание социальной динамики. Все мы прекрасно понимаем, что страна может только тогда рассчитывать на конкуренцию с США и Китаем, когда ее население будет активно вовлечено в процесс изменений, когда оно и на групповом, и на личностном уровне будет ставить перед собой все более высокие цели или, как говорят социологи, претензии. А у нас говорят — «не надо вам никаких претензий», и это никак не уместается в логику современной социальной динамики. Возникает консервативная установка на сохранение статус-кво, лишь бы ничего не изменилось к худшему.

— Этим объясняется невысокая политическая активность российского общества?

— Это можно сравнить с состоянием альпиниста, который долго карабкался в гору и, когда добрался до вершины, захотел полежать там, порелаксировать. То же самое произошло и с российским обществом после тяжелых реформ девяностых. Оно устало, и когда появились первые признаки стабилизации, легко обменяло свою политическую активность на состояние покоя. Несмотря на некоторые колебания, которые, безусловно, происходят и фиксируются социологическими институтами, эта установка сохраняется. За исключением, пожалуй, тех случаев, когда реально начинают затрагиваться повседневные материальные интересы достаточно больших групп людей. Мы это видели зимой-весной этого года в реакции льготников на монетизацию, краешком глаза — в реакции некоторых слоев населения на резкий рост бензиновых цен.

ТРАЕКТОРИЯ МАЯТНИКА

— О чем это говорит?

— О том, что российский политический процесс носит верхушечный характер, когда нет массового политического участия. В стране принимаются важные законы, затрагивающие миллионы людей, но никто ничего об этом не знает. Посмотрите, как это происходит в странах Евросоюза. За каждую поправочку в трудовой кодекс Италии профсоюзы собирают 100–200-тысячные демонстрации. Это реальное политическое участие. Люди знают, чего они добиваются, для чего участвуют в политике. У нас этого нет.

Наконец, последняя черта российского политического процесса — это цикличность, которая определяется фундаментальным противоречием всей постсоветской трансформации, существующим в массовом сознании. Согласно многочисленным опросам, большая часть населения — 40–60 процентов — считает, что в России должно быть построено такое общество, где, с одной стороны, были бы все рыночные и демократические свободы, а с другой, уровень социальных гарантий был бы как при советской власти. Это противоречие и определяет ряд циклов.

— Каких?

— Первый цикл: попытки прорыва старой системы, начатые в 1992 году. Популярный президент в образе библейского пророка появляется на экранах телевизоров и говорит, как в известной песне Луи Армстронга «Let my people go»: «Прошу доверять своему президенту, я знаю, что делать, следуйте за мной». Через некоторое время люди понимают, что их ожидания не совпали с результатами реформ, и наступает время социального умиротворения. Хотя ресурсов у страны мало, и нефть стоит 9–11 долларов за баррель.

В 1997 году правительство молодых реформаторов предпринимает новую попытку реформ, у него есть стратегия, но оно быстро выдыхается, столкнувшись со структурированным сопротивлением сил, которым это

совсем не нужно.

2004 год – новый цикл, очередная попытка реформ. Монетизация – и резкое столкновение с реальностью. Следствие этого – новые социальные инициативы президента, миллиарды инвестиций в социальную сферу.

– То есть после каждой попытки запустить экономические реформы нас заносит в сторону патерналистского государства?

– Да, наша страна живет по траектории маятника. Попытки с помощью радикальных рыночных моделей реформировать систему неизбежно упираются в сопротивление значительных масс людей и переходят в периоды социального умиротворения, возможного за счет перераспределения имеющихся ресурсов. И обратите внимание – никакой модернизации, никакого развития. Эта логика циклического развития политического процесса настолько заданная, что страна не может выйти за ее пределы.

«СДЕЛАТЬ ХОТЕЛ УТЮГ, СЛОН ПОЛУЧИЛСЯ ВДРУГ»

– Вы думаете, Россия обречена на движение по этой траектории?

– Конечно, нет. Речь идет не столько об экономическом и социальном содержании реформ, сколько об их политической технологии. Накануне принятия, скажем, 122-го закона не было дискуссии, хотя небольшие группы московских экспертов доказывали политической власти, что она делает колоссальную ошибку. Логика власти была такая: популярность президента выше, чем у Ельцина в начале девяностых годов; у него нет оппозиции, способной реально влиять на процесс принятия решений, как коммунистическая оппозиция во времена Бориса Николаевича; зато есть лояльное, находящееся в расслабленном состоянии население. Используем эти политические факторы по максимуму, проведем в короткий срок реформы. Через 20 лет люди поймут, что наступило светлое будущее, а сейчас это не важно. Вот из этой логики и появляются такие реформы.

Я считаю, чтобы провести социальную реформу, требуется очень долгий согласовательный процесс. Почему канцлеру Шредеру удалось выйти из пике, когда проводилась тяжелейшая социальная реформа в Германии? Потому что два-три года велись обсуждения, консультации, дискуссии на самых разных уровнях. Все понимают, что реформы – это всегда какие-то потери. Но что есть большая политика в современном демократическом обществе? Это искусство находить баланс и институализация этого баланса.

Так что проблема не в том, что российский политический процесс обречен на колебания маятника от очередной попытки реформ к умиротворению общества без каких-либо серьезных изменений социально-экономической базы страны. А в том, что требуется совершенно иная политическая технология. Не авангардизм, не мессионизм, имевшие место в конце восьмидесятых – начале девяностых (их историческое время закончилось), а согласовательный политический процесс.

– Тем не менее нельзя сказать, что политическая ситуация в стране нестабильна.

– В том и дело, что при всей сложности, противоречивости политического процесса он все-таки достаточно стабилен, в первую очередь, благодаря благоприятной экономической конъюнктуре, а также ориентации на сохранение стабильности и достаточно отстроенной системе фиктивного политического и социального контроля. Однако есть реальные угрозы, способные вывести его из состояния равновесия.

Первая – это социальная конфликтность, вытекающая из непродуманных вариантов болезненных социальных реформ. Еще в начале этого года казалось, что вероятность серьезного изменения направленности политического процесса под влиянием этого фактора очень высока. Но сейчас я бы заметно снизил ее. Федеральная власть извлекла из ситуации с монетизацией льгот определенные уроки, не знаю уж, надолго ли. Но при наличии сегодняшних ресурсов огромного количества нефтедолларов как в бюджете страны, так и в стабилизационном фонде, с помощью социальной манипуляции, путем политики социального лавирования можно заметно снизить давление этого фактора на политический процесс.

Вторая угроза исходит от проблемы Северного Кавказа. Вооруженный конфликт из Чечни начал расползаться на сопредельные территории. Сегодня только две республики – Северная Осетия и Адыгея – не затронуты им. На мой взгляд, никаких кардинальных изменений к лучшему в этом регионе добиться невозможно без системного изменения всей проводимой там политики, прежде всего, централизации административной, политической и военной власти. Кроме того, нужно делать ставку на лидеров, пользующихся доверием местного населения. Такие лидеры есть, они абсолютно лояльны к России, это никакие не сепаратисты. Но технология работы с ними должна быть кардинально пересмотрена от командного, вертикального к, скажем

так, горизонтальному общению. Наконец, чтобы деньги не утекали в коттеджные поселки на окраине Махачкалы, нужна прозрачность расходования средств. При нынешней политике проблема Северного Кавказа – это реальная проблема, угроза целостности РФ. Но не в ближайшее время. Сейчас эта угроза очень слаба.

И, наконец, третья угроза – непрофессионализм принимаемых решений. Как в песне: «Сделать хотел утюг, слон получился вдруг». Это не просто управленческая проблема, это проблема, которая создает политические риски там, где их вполне можно избежать. К примеру, всем известно, что в основе роста цен на бензин лежит налог на добычу полезных ископаемых, вплотную привязанный к мировой цене на нефть. Рационально было бы заняться соответствующими изменениями в налоговом кодексе. Но вместо этого заключили картельное соглашение, и цены снова ползут вверх. При таком качестве принимаемых решений мы можем получить совершенно неожиданные политические проблемы.

– Непрофессионализм принимаемых решений вы считаете самой серьезной угрозой. Можно ли ее как-то нейтрализовать?

– Здесь важны три вещи. Первая – политическая конкуренция, которая выводит нас на уровень обсуждения реальных политических проектов, то есть на разговор о будущем России. Кто за «бензиновое государство», кто за серьезные базисные изменения – пожалуйста, голосуйте.

Вторая – конкурсный отбор на чиновничьи должности. Вместо поправок к закону о государственной службе, фактически восстановивших систему мандарината в современной России, введите конкурс, и тогда в управлении не будет людей, имеющих очень слабое представление о своей работе.

И третья – разделение политической и бюрократической элиты. Из кого рекрутируется политическая элита России? Из госчиновников, в последнее время еще из бизнесменов. А должна – из партий, как в Европе. Пока этого разделения нет, в политике оказываются люди, имена которых неизвестны. Я утверждаю, что такое положение вещей не нормально. Политики должны приходить по установившимся каналам: был студентом, пошел в молодежную организацию такой-то партии, там продвинулся, стал баллотироваться в местное Законодательное собрание, дальше пошел – вот это нормально. А у нас чиновники друг друга тянут, а потом выясняется, что политиками называются те, кто о политике имеет очень далекое представление.

ТРЕТЬЕГО СРОКА НЕ БУДЕТ

– Пожалуй, один из самых животрепещущих вопросов в повестке дня – останется ли Владимир Путин на третий президентский срок. Каково ваше мнение на этот счет?

– Есть нынешняя властная элита, пришедшая в основном из северной столицы, чувствующая себя очень неуверенно в Москве. Для нее конкурентность – это реальная угроза потерять позиции в политике, администрации, бизнесе. Поэтому импульс неконкурентности, исходящий из логики «бензинового государства», еще усиливается. Как минимизировать риски? Конечно, упросить нынешнего президента остаться еще на один срок. И такие голоса периодически раздавались. Президент на протяжении последних месяцев несколько раз заявлял, причем на разные целевые аудитории, что не будет избираться. И сейчас, я полагаю, этот вариант изъят из обсуждения в центрах принятия решений.

– Как думаете, что повлияло на решение президента не баллотироваться на третий срок?

– Конечно, мы можем только догадываться об этом. Но в мире обсуждаются два основных мотива. Первый: Россия и российская элита уже стала частью глобальной элиты, а там не принято для того, чтобы остаться президентом, переписывать конституцию. Второй мотив мне кажется более убедительным: уходя в 2008 году, Путин войдет в историю как успешный президент с большим позитивом. Мы прекрасно понимаем, что уже при нашей жизни с нефтью будут большие проблемы, но разгребать их придется тем людям, кто будет во власти после 2008 года.

– А что насчет идеи сделать Владимира Путина президентом союзного с Белоруссией государства?

– Такой сценарий обсуждался. Но сейчас от него отказались. Я думаю, что и самого союзного государства не будет, разве что на бумаге. Президент Беларуси Александр Лукашенко является одним из самых эффективных популистских лидеров. И для большей части российской элиты его приход на российский политический рынок – это колоссальная угроза.

– Что же остается? Как властная и политическая элита будет защищать себя и свои позиции?

– Остается два варианта. Один, на мой взгляд, медленно умирает, но еще функционирует. Это разговоры о трансформации России из суперпрезидентской республики в республику иного типа: либо смешанную президентско-парламентскую, либо парламентскую. Проблема в том, что люди, которые думают над этими вопросами в соответствующих департаментах президентской администрации, не слишком видят разницу между этими двумя политическими системами: смешанными республиками французского типа (как Пятая республика) и канцлерскими республиками (как ФРГ).

Для того, чтобы сделать в России Пятую республику, действительно, не нужно менять конституцию, нужно взять конституционный закон о правительстве, дописать туда два-три раздела, тем самым расширив его права. Но при этой модели президент все равно остается лидером нации, а премьер-министр – лицом номер два. Такая схема вряд ли может заинтересовать действующего президента РФ.

А вот что касается республики канцлерского типа, то без изменений конституции РФ сделать ее не удастся. Переписать придется, как минимум, статью 83 – о порядке избрания президента, поскольку ни в одной парламентской системе президент не избирается всенародно, а избирается парламентом; и – что еще более существенно – статью 87, по которой президент является верховным главнокомандующим, и сколько ни приписывай правительству функций по обороне и безопасности, такой закон может быть моментально оспорен в Конституционном суде.

– Какую систему вы лично считаете наиболее приемлемой для России?

– В идеале я вижу Россию республикой французского типа, смешанной президентско-парламентской республикой, в которой силовые структуры и гарантии оставались бы у президента (поскольку страна сложная, возникает много проблем, угроз безопасности, здесь нельзя допускать слишком большого количества рисков). Но социально-экономическая политика правительства должна формироваться победившей партией. Победившей не на основе манипулятивных операций, а благодаря реальной программе, за которую проголосовали избиратели и которую затем эта партия выполняет. Сейчас ситуация напоминает мне такую картинку: вы заказали чашку кофе, а вам приносят воды из-под крана. То же самое происходит в российском политическом процессе: люди голосуют за политику раздачи социальных богатств, а им выкатывают 122-й закон. Понятно, что так быть не должно. Но, боюсь, что президентско-парламентская республика в силу сложившихся обстоятельств в России в ближайшее время не реализуется.

– А второй из оставшихся вариантов – это операция «Преемник»?

– Да, хорошо известный, отработанный, и в большей степени в последнее время обсуждаемый. К реализации именно этого сценария располагает вся политическая конфигурация. На партийном поле угроз никаких. Оппозиция находится в крайне разряженном состоянии, причем большая часть ее мечтает о том, как бы договориться с соответствующим департаментом администрации президента о каком-то компетентном участии в следующих выборах.

Из конкурентов – Михаил КАСЬЯНОВ, бывший премьер-министр, единственная реальная альтернатива представителю нынешней команды по уровню профессионализма, позиции в элитах, по имиджу. Но до сих пор не ясно, насколько серьезно Касьянов собирается играть эту роль. Обратите внимание, с его февральского заявления до сегодняшнего дня он не сделал ни одного политического действия. Отсутствие публичной активности заставляет усомниться в серьезности его намерений. А раз он играть не будет, то остается нынешняя команда и ее кандидаты.

Хотя сам этот институт очень ограничен, наследник всегда приходит во власть с определенными обязательствами, он уже в значительной степени не свободен. Поэтому лучшая система – это не наследники, а организация свободной конкуренции между разными политическими силами. Несмотря на эйфорию от высоких нефтяных цен, от роста международного влияния, мы понимаем, что перед нашей страной уже в скором будущем встанут большие проблемы. Благодаря наличию ресурсов мы имеем шанс эти трудности преодолеть. Но для этого нужно заниматься не оптимизацией существующей системы, а созданием рынка политических идей и кандидатов, и тогда, в реальной конкурентной борьбе, наверняка появится достойный лидер.

Записала ТАМАРА АНТОНОВА

Комментарий ИГ:

Большая часть населения считает, что в России должно быть построено такое общество, где, с одной

стороны, были бы все рыночные и демократические свободы, а с другой, уровень социальных гарантий был бы как при советской власти.

Наша страна живет по траектории маятника. Попытки реформировать систему неизбежно упираются в сопротивление значительных масс людей и переходят в периоды социального умиротворения.

Чтобы провести социальную реформу, требуется очень долгий согласовательный процесс. Почему канцлеру Шредеру удалось выйти из пике, когда проводилась тяжелейшая социальная реформа в Германии? Потому что два-три года эти реформы обсуждались на самых разных уровнях.

Непрофессионализм принимаемых на государственном уровне решений – это не просто управленческая проблема, это проблема, которая создает политические риски там, где их вполне можно избежать.

Уходя в 2008 году, Путин войдет в историю как успешный президент с большим позитивом. А проблемы будут разгребать уже те, кто будет во власти после него.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com СТРАНА , ИРКУТСК 👁 2746 18.07.2006, 16:05 📌 147

URL: <https://babr24.com/?ADE=31451> Bytes: 22013 / 21980 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)